

Е.А.Боревич

Особенности политики невмешательства в отношениях Кубы и Мексики в 1960-х годах

Принцип невмешательства играл важную роль в отношениях Кубы и Мексики в 1960-х годах, однако, не все государственные чиновники Мексики были готовы на практике выполнять данную установку. В сентябре 1969 г. правительство Кубы обвинило служащего мексиканского посольства в Гаване в шпионаже в пользу ЦРУ, но правительство Мексики отрицало свою причастность к инциденту, и взаимовыгодное сотрудничество продолжалось. В статье анализируется характер кубинско-мексиканских отношений в 1960-е годы, причины их охлаждения и особенности применения принципа невмешательства в случае с мексиканским дипломатом.

Ключевые слова: Куба, Мексика, международные отношения, ОАГ, принцип невмешательства, ЦРУ.

Дипломатические отношения между двумя разделенными Юкатанским проливом государствами — Кубой и Мексикой — складывались неоднозначно на протяжении всего периода нахождения у власти на Кубе Фиделя Кастро Рус. Хотя обе страны «объединены» революционным прошлым, и некоторые исследователи проводят параллели между революционными событиями в Мексике в 1910—1917 гг. и кубинской революцией 1956—1959 гг.¹, их «революционные» пути разошлись еще до того, как в 1965 г. кубинская правящая партия — Единая партия социалистической революции Кубы (Partido Unido Revolución Socialista de Cuba, PURSC) — сменила название на Коммунистическую партию Кубы (Partido Comunista de Cuba, PCC). В то время как для многих политических сил Латинской Америки Куба стала живым примером возможности сбросить с себя «ярмо империализма»², Соединенные Штаты Америки, находящиеся всего в 150 км от настроенного на революционные преобразования «Острова Свободы», не были рады столь беспокойному соседству, и руками ЦРУ вели против Кубы тайную войну.

Кульминацией этой войны стали планирование и проведение в апреле 1961 г. военной операции в заливе Свиней³, но помимо вооруженных акций в 1959—1962 гг. на революционный режим осуществлялось и экономическое давление. Дело в том, что для государств, расположенных к югу от Рио-Гранде, Куба являла собой модель антиамериканского поведения, и соответственно, представляла угрозу для США, опасавшихся потери полноты контроля в регионе. Уже в первый год революции для укрепления

Елена Альбертовна Боревич — аспирантка факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (borevich_elena@mail.ru).

связей с Западным полушарием СССР существенно увеличил объем закупок кубинского сахара⁴, а 2 июля 1960 г., Соединенные Штаты, недовольные проводимыми на Кубе реформами, ввели запрет, действующий уже более 50 лет, на импорт этого главного экспортного продукта острова⁵. В выигрышном положении вследствие ухудшения экономических отношений США и Кубы оказалась Мексика: в 1961 г. она в 1,5 раза увеличила экспорт своего сахара на американский рынок по сравнению с 1960 г.⁶

Первые успехи кубинской революции вызвали одобрение правительства Мексики и нашли отклик у общественности страны. Спустя некоторое время после триумфа Кастро бывший президент Мексики Ласаро Карденас дель Рио (1934—1940 гг.) посетил остров и 26 июля 1959 г. произнес речь в честь празднования годовщины штурма казарм Монкада. Карденас высоко оценивал достижения кубинской революции и ставил в пример остальным странам Латинской Америки успешное свержение диктатуры и проведение аграрной реформы⁷. Однако вскоре настроения изменились. Несмотря на то, что правительство Мексики поддержало Кубу после инцидента в заливе Свиней (показательно в этом плане заявление, сделанное министром иностранных дел Мексики Мануэлем Тельо для прессы⁸), уже на следующий день оно помешало Карденасу вылететь на Кубу для оказания моральной поддержки кубинскому народу⁹. Возможно, причиной этого отказа стала речь, произнесенная Ф.Кастро 16 апреля 1961 г., в которой он заявил о переходе к социалистическому этапу революции¹⁰ и таким образом провел четкую границу между кубинской и мексиканской революциями.

Триумф кубинской революции пришелся на период нахождения на посту президента Мексики Адольфо Лопеса Матеоса (1958—1964 гг.), который, по утверждению некоторых авторов, контактировал с ЦРУ еще до вступления в должность и носил кодовое имя «Litensor»¹¹. Бывший сотрудник газеты «The Washington Post» Джефферсон Морли провел собственное расследование и, основываясь на рассекреченных в 2006 г. документах Национального архива США, сделал вывод о причастности президента Лопеса Матеоса к событиям на Плайя-Хирон. По утверждению журналиста, для проведения этой операции из Мексики с личного согласия президента было поставлено контрреволюционным силам 150 т топлива¹².

Еще одним примером двойственной позиции Мексики служит ее поведение на VIII консультативном совещании Организации американских государств (ОАГ) в январе 1962 г. В преддверии этого совещания Кастро объявил себя марксистом-ленинцем¹³. Произнося речь в честь третьей годовщины победы кубинской революции, он позитивно оценил позицию Мексики: «Для других латиноамериканских государств Мексика является примером того, как можно строить отношения с Кубой, и строить их можно только при условии уважения к нашему суверенитету, при условии невмешательства в наши внутренние дела и при отсутствии подрывной деятельности со стороны ЦРУ»¹⁴. Принцип невмешательства, к которому апеллировал Кастро, был окончательно сформулирован в годы мексиканской революции будущим президентом страны Венустиано Каррансой (1917—1920 гг.) и закреплен в Конституции Мексики 1917 г.¹⁵. Согласно ст. 89 Основного закона для ведения внешней политики правительству Мексики необходимо придерживаться следующих принципов международного права: свободного самоопределения народов, невмешательства, мирного урегулирования конфликтов, уважения суверенитета, юридического равноправия государств и др.¹⁶. С 1929 г. Национально-революционная партия (Partido Nacional Revolucionario, PNR), в 1938 г. переименованная в Партию мексиканской революции (Partido de la Revolución Mexicana), а в 1946 г. ставшая

Институционно-революционной партией Мексики (Partido Revolucionario Institucional, PRI) гарантировала преемственность этого внешнеполитического курса в рамках Конституции¹⁷. В 1930 г. министр иностранных дел Мексики Хенаро Эстрада выдвинул положение, в дальнейшем известное как «Доктрина Эстрада», об отмене практики признания легитимности одного государства другим во избежание нарушения суверенности признаваемого государства¹⁸. Один из фундаментальных принципов внешней политики Мексики — принцип невмешательства во внутренние дела других государств — также подразумевал и отсутствие какой-либо оценки внутренней политики этих государств вне зависимости от их идеологической направленности.

Однако, уже в 1962 г. на указанном совещании ОАГ М.Тельо заявил: «Несовместимость между принадлежностью к Организации американских государств и приверженностью принципам марксизма-ленинизма или принципам абсолютной монархии несомненна»¹⁹. Таким образом, мексиканский министр выразил точку зрения, близкую к антикубинской позиции США. Говоря о несовместимости, официальный Мехико лишь хотел провести границу между своей революцией 1910-х годов и революцией во главе с Кастро, но это высказывание имело серьезные последствия: именно такая формулировка — несовместимость правительств марксистско-ленинской направленности с межамериканской системой — была применена для обоснования исключения Кубы из ОАГ²⁰. При этом сама Мексика не голосовала за исключение Кубы, воздержавшись также при голосовании по поводу применения экономических санкций и введения эмбарго на поставки оружия на Кубу. Формально она оказалась единственной в рамках межамериканской системы страной, поддержавшей Кубу²¹. Воздержавшись от категоричных «за» или «против», Мексика сумела сохранить баланс в отношениях с Кубой и с США, избежав при этом обвинений в поддержке коммунизма со стороны Вашингтона²².

Вскоре отношения Гаваны и Мехико подверглись новому испытанию: во время Карибского кризиса в октябре 1962 г., в преддверии экстренного совещания ОАГ, президент Мексики отправил в Гавану письмо с призывом к мирному урегулированию конфликта: «Во имя дружеских отношений, которые объединяли и объединяют наши страны, я страстно желаю, чтобы на территории Кубы не находилось наступательное оружие, и в том случае, если бы это случилось, чтобы оно никогда не было применено, а наоборот, чтобы оно как можно скорее было вывезено»²³. В ответ президент Кубы Освальдо Дортикос Торрадо заверил Лопеса Матеоса в том, что Куба никогда не будет использовать с целью нападения оружие, которое приобрело в целях защиты от внешней агрессии. Революционное правительство готово избавиться от этого оружия только в случае отсутствия внешней угрозы со стороны США, страны, нарушающей принципы самоопределения и невмешательства, которые правительство Мексики называет фундаментальными нормами сосуществования в регионе²⁴.

На экстренном совещании ОАГ 23 октября 1962 г. делегация США выдвинула для голосования следующие требования: демонтаж и вывоз ракет и другого наступательного оружия, установленного на Кубе, и принятие коллективных и индивидуальных мер, включая использование вооруженных сил, с целью прекратить поставки советского вооружения на Кубу²⁵. От голосования по первому пункту воздержался только представитель Уругвая. Второй пункт подразумевал объявление морской блокады Кубе и был разделен на два подпункта: необходимость принятия индивидуальных и коллективных мер и блокирование исходящей от СССР угрозы безопасности континента. Представитель Мексики в ОАГ Висенте Санчес Гавито выразил позицию своего правительства, проголосовав за первый пункт и

воздержавшись от голосования по обоим подпунктам второго. Хотя формально Мексика и не поддержала карантин, объявленный Кубе 24 октября, поставки мексиканских товаров на остров были временно прекращены²⁶.

Несмотря на то, что во время Карибского кризиса правительство Мексики выразило согласие с позицией США по поводу демонтажа ракетных установок, находившихся на Кубе, оно не пошло на разрыв дипломатических отношений с ней, как это сделали другие государства Латинской Америки в период с 1959 по 1964 г. Сохранение двусторонних отношений было выгодно обеим сторонам по ряду причин. Так как в результате экономической и дипломатической изоляции авиаперелеты в другие латиноамериканские страны были запрещены, Мексика стала своеобразным мостом между островом и «Большой землей», позволявшим латиноамериканцам попадать на Кубу, а кубинским госслужащим — в страны, закрытые для прямого авиасообщения с Гаваной²⁷. При этом мексиканский исследователь Марио Охеда Гомес считает, что, используя эту линию авиасообщения, на остров могли проникать шпионы и агенты²⁸.

В июле 1964 г., несмотря на давление со стороны правительства США, на IX консультативном совещании ОАГ в Вашингтоне Мексика отказалась прекратить контакты с островом. В.Санчес Гавито заявил, что его правительство не видит причин для применения Межамериканского договора о взаимной помощи («Пакта Рио») в отношении Кубы²⁹. В случае применения этого договора военное вторжение на остров было бы неизбежно. Беспрецедентный отказ правительства Мексики принять одну из важнейших резолюций IX консультативного совещания, предписывавшую полное прекращение контактов с островом, продемонстрировал независимость внешней политики этой страны. К тому же этот отказ немного успокоил левое движение Мексики, критиковавшее власти за поддержание тесных контактов с США. Помимо этого в тот период, когда Куба поддерживала партизан-революционеров в ряде других государств Латинской Америки, позиция Мексики могла послужить сдерживающим фактором для лидера кубинской революции и помешать ему заниматься попытками «экспорта революции» в соседнюю страну. По воспоминаниям находившегося в Гаване в 1966—1968 гг. мексиканского дипломата Густаво Ируэгаса, военный атташе посольства Мексики посетил размещавшийся на острове тренировочный лагерь для подготовки латиноамериканских повстанцев. Министр Революционных вооруженных сил Кубы Рауль Кастро Рус уверил гостя, что среди обучающихся нет и не будет мексиканцев³⁰. Вероятно, оба правительства приняли негласное соглашение, гарантировавшее им взаимное невмешательство во внутренние дела.

Вне зависимости от истинных мотивов правительства Мексики Ф.Кастро сохранял в отношении него позитивный настрой. После консультативного совещания ОАГ в 1964 г. он сделал ответственное заявление: «Мы хотим разговаривать с правительством Мексики, мы хотим вести диалог с правительством Мексики, и с правительством Мексики мы хотим связывать себя обязательствами»³¹.

По результатам двух консультативных совещаний ОАГ 1962 и 1964 гг. можно дать общую характеристику отношениям Кубы и Мексики в период президентства Адольфо Лопеса Матеоса (1958—1964 гг.). Для ведения успешной внешней политики правительству Мексики было необходимо сохранить приверженность принципу невмешательства при отсутствии явных противоречий в отношениях с США³². Для решения этой дилеммы правительство страны не выражало полного согласия с резолюциями ОАГ, признавая при этом цели и политику организации. Официальный Мехико вел двойственную, иногда противоречивую внешнюю политику, которая казалась менее враждеб-

ной по отношению к Кубе по сравнению с политикой остальных стран — членов ОАГ. Куба, в свою очередь, с пониманием реагировала на эту двойственность, уверяя, что именно принцип невмешательства является основой взаимоотношений между обоими государствами³³. Однозначная позиция правительства Кубы и ответная амбивалентная позиция Мексики отражали не только сложности двусторонних отношений, но и желание обеих стран сохранить в отношении друг друга нейтралитет. Однако в то время как Куба открыто заявляла о своей приверженности принципу невмешательства, Мексика лишь поддерживала иллюзию невмешательства в дела острова.

Активная разведывательная деятельность велась на территории Мексики и Кубы еще до триумфа кубинской революции. В 1956 г. руководителем резидентуры ЦРУ в Мехико, находившейся на верхнем этаже здания посольства США на проспекте Пасео-де-ла-Реформа, был назначен Уинстон Скотт, в дальнейшем очень сблизившийся с мексиканской правительственной элитой³⁴. Через него директор ЦРУ Аллен Даллес передавал указания агентам, завербованным в высших правительственных кругах Мексики.

В августе 1960 г., когда правительство Кастро экспроприировало сахарные плантации, принадлежавшие американским компаниям, а также собственность «United Fruit Company» в провинции Ориенте, левое крыло конгресса Мексики стало давить на правительство, чтобы добиться проведения подобных реформ и в своей стране. Узнав об этом, помощник государственного секретаря по вопросам Латинской Америки Томас Манн сообщил Лопесу Матеосу о готовности правительства США предоставить тайную помощь группе мексиканских предпринимателей для поддержки их антикоммунистических настроений, на что президент ответил отказом. У.Скотт передал Т.Манну, что Лопес Матеос считает внутреннюю политику Мексики делом самой Мексики, а вмешательство Соединенных Штатов недопустимым³⁵.

Однако уже 14 января 1961 г. в Мехико состоялась личная встреча Лопеса Матеоса и директора ЦРУ А.Даллеса, на которой У.Скотт присутствовал в качестве переводчика³⁶. В расчете на поддержку правительства Мексики в деле смещения Кастро шеф американской разведки заявил, что коммунистическая Куба представляет собой проблему и для США, и для всей Латинской Америки. В ответ Лопес Матеос напомнил Даллесу о существующей во внешней политике Мексики традиции невмешательства в дела других государств³⁷. Несмотря на отсутствие четкого определения так называемого принципа невмешательства, он часто признается законной нормой на дипломатическом уровне³⁸. Обычно под этим принципом понимают принцип сдерживания: одно государство стремится не допустить нежелательное для него поведение другого³⁹. Однако принцип невмешательства не конкретизирует, как это государство должно вести себя по отношению к первому. Правительство Лопеса Матеоса не могло открыто вмешиваться, так как в Мексике многие симпатизировали кубинской революции⁴⁰. Сам Лопес Матеос выразил на той встрече солидарность с политикой США⁴¹.

О тайном сотрудничестве правительств Мексики и США свидетельствуют воспоминания и других очевидцев. Хорошо информированный шеф отделения «New York Times» в Мехико (1978—1984 гг.) британский подданный Алан Райдинг утверждает, что мексиканская администрация контактировала с ФБР и ЦРУ и передавала им данные о деятельности посольств Советского Союза, Кубы и других социалистических стран⁴². А.Райдинг сообщает, что в 1960-х годах в аэропорту Мехико ЦРУ вело наблюдение за пассажирами, летевшими на Кубу и покидающими остров. Это заявление подтверждает и Филип Эйджи, агент ЦРУ в Мехико в 1957—1969 гг. Кроме того, Ф.Эйджи говорит о наличии тесно-

го сотрудничества между резидентом ЦРУ У.Скоттом и президентами Лопесом Матеосом и Густаво Диасом Ордасом⁴³.

Во время президентства Диаса Ордаса (1964—1970 гг.) отношения между Мексикой и Кубой обострились из-за различных внутренних и внешних условий. К таким условиям относится поддержка, которую Куба оказывала революциям стран Латинской Америки и Африки. Для организации этой поддержки, а также для борьбы с нарастающей изоляцией в Латинской Америке, в январе 1966 г. правительство Кастро провело Конференцию трех континентов, на которой была создана Организация солидарности народов Азии, Африки и Латинской Америки (Organización de Solidaridad con los Pueblos de Asia, Africa y América Latina, OSPAAAL). После этого в Латинской Америке заметно усилилось партизанское движение, вдохновленное опытом кубинской революции. Правительство Кастро оказывало левым партизанам и материальную поддержку, что не могло остаться незамеченным и привело к тому, что Мексика выразила несогласие с «мятежной и интервенционистской пропагандой»⁴⁴, осуществляемой Кубой в странах Латинской Америки. При этом в 1967 г. на XII консультативном совещании делегация Мексики в ОАГ воздержалась от голосования по вопросу о применении новых экономических санкций против Кубы.

Об охлаждении отношений Кубы и Мексики в первые четыре года президентского срока Диаса Ордаса свидетельствует и изменившийся характер дипломатических сообщений, которые стали приходить из посольства Мексики в Гаване после назначения в начале 1965 г. послом генерала Фернандо Паменеса Эскобедо. Американский исследователь Кристофер Уайт в монографии «Создание третьего мира: Мексика, Куба и США в эпоху Кастро», основываясь на архивных документах Госдепартамента США 1965—1970 гг., утверждает, что соответствующие ведомства Мексики и США пытались использовать посольство Мексики в Гаване для осуществления разведывательной деятельности⁴⁵.

К 1969 г. отношения между Кубой и Мексикой еще больше ухудшились⁴⁶. 18 августа 1969 г. официальный печатный орган компартии Кубы «Granma» опубликовал статью под названием «Ответ мексиканской прессе», в которой отражался статус связей Мексики и Кубы на август 1969 г. Несмотря на наличие некоторых негативных моментов, Куба допускала возможность сохранения этих отношений. Правительство Кастро выражало недовольство высказанной в его адрес критикой за предоставление политического убежища двум студентам, угнавшим 26 июля 1969 г. на Кубу самолет мексиканской авиакомпании. При этом подчеркивалось, что Мексика не прекратила отношения с Кубой, как это сделали остальные страны Латинской Америки. Поэтому «уважение, которое испытывает Куба к Мексике в ответ на такое отношение, — не благодарность за оказанную услугу, но благодарность за то, что Мексика таким образом защищает свой собственный суверенитет, в то время как другие государства рабски повинуются империалистическому указу»⁴⁷. Куба заявляла, что основой ее внешней политики также являются принципы равноправия и взаимности, и революционное правительство никогда не допустит вмешательства в свои внутренние дела, так как, по его мнению, отношения между государствами должны строиться на основе взаимного уважения, обоюдного признания суверенитета и при условии выполнения всех связанных с этим обязательств.

Хотя в основе отношений Кубы и Мексики лежал, как заявляли правительства обеих стран, принцип взаимного невмешательства во внутренние дела, некоторое вмешательство все же состоялось. 3 сентября 1969 г. посол Кубы в Мексике Хоакин Эрнандес де Армас, выполняя указания министра

иностранных дел Кубы Рауля Роа, вручил министру иностранных дел Мексики Антонио Каррильо Флоресу ноту, содержащую информацию, разоблачавшую шпионскую деятельность советника и пресс-атташе посольства Мексики в Гаване Умберто Каррильо Колона. Правительство Мексики вернуло ноту, а 5 сентября 1969 г. «Granma» опубликовала ее под заголовком «Работник посольства Мексики на Кубе на службе ЦРУ»⁴⁸. Предположительно Каррильо Колон осуществлял разведывательную деятельность в пользу ЦРУ с момента начала своей службы в Гаване в марте 1968 г. На основании того, что он до своего назначения на Кубу не входил в состав дипломатического корпуса Мексики, и такой должности, как пресс-атташе, в посольстве Мексики в Гаване раньше не существовало, правительство Кастро сделало вывод, что миссия Каррильо Колона, который в течение года передавал ЦРУ экономические, политические и военные сведения о Кубе, была спланирована заранее. Утверждалось, что Каррильо Колон также передавал американцам отчеты о деятельности мексиканского посольства в Гаване и о деятельности посла Мексики на Кубе Мигеля Ковиана Переса⁴⁹. Для связи с ЦРУ пресс-атташе использовал радиопередатчик и дипломатическую почту⁵⁰. Правительство Кубы потребовало от правительства Мексики лишить Каррильо Колона дипломатической неприкосновенности для предания его суду и призвать к ответственности тех государственных деятелей, которые сознательно сотрудничали с ЦРУ и, таким образом, подрывали государственную безопасность Кубы.

Через два дня правительство Мексики вернуло ноту, сочтя оскорбительными выдвинутые против него обвинения, отметив, что, если бы речь в ней шла о преступлении лишь одного Каррильо Колона, Мексика приняла бы все необходимые меры в соответствии с международными нормами. Правительство Кубы, в свою очередь, выражало недовольство тем фактом, что Мехико предал огласке претензию Гаваны. Очевидно, что упоминание этого дела в мексиканской прессе усложняло дальнейшее расследование⁵¹.

Для прояснения ситуации 12 сентября 1969 г. министр иностранных дел Кубы Р.Роа прибыл с кратким визитом в Мексику и лично продемонстрировал президенту Диасу Ордасу доказательства «шпионской деятельности агента ЦРУ Каррильо Колона, направленной против правительства Кубы и Мексики»⁵². Согласно исследованию мексиканского журналиста Мануэля Бундиа, который изучал деятельность ЦРУ в Мексике, на встрече были представлены расшифровки радиосообщений, доказывающие сотрудничество Каррильо Колона с ЦРУ⁵³. Эта встреча, возможно, сгладила шероховатости между двумя правительствами благодаря тому, что кубинский министр неоднократно подчеркивал тот факт, что его страна не имела намерения «обвинить правительство Мексики, а только сформулировала обвинения против Умберто Каррильо Колона»⁵⁴. Однако просьба Кубы лишить его дипломатической неприкосновенности была отклонена. Правительство Мексики не отрицало обвинений, но настаивало на том, что суд над гражданином Мексики должен проходить на его родине. В связи с этим президент Диас Ордаз отдал приказ о немедленном возвращении Каррильо Колона в Мехико.

Как считает М.Охеда Гомес, главной причиной отказа Мексики принять ноту стал неприемлемый намек на причастность высших чинов государственной власти к делу о шпионаже в посольстве на Кубе⁵⁵, хотя правительство Кубы утверждало, что нота не содержит прямых обвинений в адрес президента Мексики. Для снятия подозрений с Диаса Ордаса, правительство Кубы заявило, что «уважаемый господин президент Мексики не назначил бы никогда этого чиновника, если бы знал или хотя бы подозревал в нем агента

ЦРУ»⁵⁶. Таким образом, обвинение было направлено не против правительства Мексики, а против конкретного служащего. Однако руководство Мексики никак не прокомментировало это заявление.

Проблема была решена в кратчайшие сроки следующим образом: правительство Диаса Ордаса отозвало Каррильо Колона, и 7 октября этого же года сообщило, что на основании прошения об отставке он оставил службу в МИД Мексики⁵⁷. Правительство Мексики не проводило дополнительного расследования этого дела, а Куба не высказывала претензий относительно шпионской деятельности.

Случай с Каррильо Колоном продемонстрировал Мексике явное нежелание Кубы мириться с наличием шпионов на острове. Этот инцидент охладил внешнеполитическую обстановку, однако стабильность взаимоотношений никогда не ставилась под сомнение, и вскоре правительства Мексики и Кубы вновь заговорили о существующем принципе невмешательства. Проанализировав действие этого принципа на примере связей Кубы и Мексики в 1960-х годах, можно сделать вывод о том, что, хотя оба государства называли этот принцип основой своих отношений, фактическое положение дел отличалось от официальной независимой позиции правительства Мексики. На деле в связях с Кубой оно преследовало свои цели и имело скрытые мотивы для сохранения контактов с правительством Кастро, что привело к охлаждению отношений в 1969 г. Вероятной причиной этого охлаждения можно также назвать сближение высших правительственных кругов Мексики с США и с ЦРУ. В 1960-х годах ЦРУ, заручившись поддержкой правительства Мексики, провело ряд операций для дестабилизации ситуации на Кубе, что позволяет говорить о косвенном вмешательстве, направленном против интересов Кубы. Несмотря на то, что история присутствия ЦРУ в Мексике еще не до конца изучена, его причастность к организации слежки в посольстве Мексики в Гаване не вызывает сомнений. Мексика в тот период в своих отношениях с Кубой применяла прагматичный подход: вышедший на первый план принцип построения взаимовыгодных отношений не исключал принципа невмешательства, но и не противоречил ему. В дальнейшем соблюдение этих двух принципов позволило обоим правительствам найти способы разрешения возникавших проблем, а также стабилизировать и даже улучшить отношения в 70—80-х годах XX в.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ O.Pellicer de Brody. México y la revolución cubana. México, México, 1972.

² G.Carrera Damas. Mitos políticos en las sociedades andinas: orígenes, invenciones y ficciones. Caracas, 2006, p. 408; F.Martínez Rueda, M.Urquijo Goitia. Materiales para la historia del mundo actual. Madrid, 2006, p. 477; M.Pastore. La utopía revolucionaria de los años 60. Buenos Aires, 2010, p. 87.

³ J.Morley. Nuestro hombre en México: Winston Scott y la historia oculta de la CIA. México, 2010, p. 153.

⁴ Б.Н.Пonomarev, А.А.Громыко, В.М.Хвостов. История внешней политики СССР. 1917—1970 гг. Ч. 2.: 1945—1970 гг. М., Наука, 1971, с. 371 [B.N.Ponomarev, A.A.Gromyko, V.M.Hvostov. Istorija vneshnej politiki SSSR. 1917—1970 gg. Ch. 2.: 1945-1970 gg. [The History of the USSR International Policy. 1917-1970. Vol. 2: 1945-1970]. Moscow, Nauka, 1971, p. 371; R.Cepero Bonilla. Escritos históricos. La Habana, 1989, p. 331.

⁵ M.Ojed a Gómez. México y Cuba revolucionara: cincuenta años de relación. México, 2008, p. 36.

⁶ Ibidem.

⁷ L.Cardenas. La amistad México-Cuba: discursos, documentos y mensajes. Morelia, 1980. p. 7-12.

- ⁸ M.Tello. México: Una posición internacional. México, 1972, p. 95—96.
- ⁹ G.Iruegas, M.Toussaint Ribot. Diplomacia en tiempos de guerra: memorias del Embajador Gustavo Iruegas. México, 2013, p. 61.
- ¹⁰ Ф.Кастро. Речи и выступления. 1961—1963 гг. М., Иностранная литература, 1963, с. 37—38 [F.Kastro. Rechi i vystuplenija. 1961—1963. [Discourses and declarations. 1961—1963]. Moscow, Inostrannaja literatura, 1963, p. 37—38.
- ¹¹ J.Morley. Op. cit., p. 130.
- ¹² W.Torre. Traición mexicana a Cuba. El Universal. México, 3 febrero 2008. — Available at: <http://www.eluniversal.com.mx/primera/30398.html>
- ¹³ Ф.Кастро. Избранные произведения 1952-1986 гг. М., Политиздат, 1986, с. 134. [F.Kastro. Izbrannye proizvedenija 1952—1986 gg. [Selected works of Fidel Castro 1952—1986]. Moscow, Politizdat, 1986, p. 134.
- ¹⁴ Discurso pronunciado por el comandante Fidel Castro Ruz, Primer Ministro del Gobierno Revolucionario de Cuba, resumiendo los Actos para Festejar el Tercer Aniversario de la Revolución Socialista de Cuba, en la Plaza de la Revolución. Revolución. La Habana, 3 enero 1962, p. 5.
- ¹⁵ Е.Г.Лапшев. Принцип невмешательства и советско-мексиканские отношения. — СССР — Мексика 50 лет. М., ИЛА АН СССР, 1975, с. 71—72 [E.G.Lapshev. Princip nevmeshatel'stva i sovetsko-meksikanskije otnoshenija. [The Non-Intervention and the Soviet-Mexican Relations]. — SSSR-Meksika 50 let. Moscow, ILA AN SSSR, 1975, p. 71-72.
- ¹⁶ Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, Art. 89. — Available at: <http://info4.juridicas.unam.mx/juslab/leylab/250/90.htm>
- ¹⁷ Мексика: тенденции экономического и социально-политического развития. Под ред. В.В.Вольского. М., Наука, 1983, с. 306 [Meksika: tendencii jekonomicheskogo i social'no-politicheskogo razvitija. [Mexico: Tendencies in Economic and Socio-Political Development]. Pod red. V.V.Vol'skogo. Moscow, Nauka, 1983, p. 306.
- ¹⁸ A.W.Thomas, A.J.Thomas. La no intervención: sus normas y su significado en las Américas. Buenos Aires: Editorial La Ley, 1959, p. 60.
- ¹⁹ Discurso pronunciado por el secretario de Relaciones Exteriores, Manuel Tello, en la Reunión de Cancilleres de Punta del Este, Uruguay, 24 de enero de 1962. — Acervo Histórico Diplomático de Secretaría de Relaciones Exteriores (AHDSRE), Exp. XII-1123-2 (1 y 2 partes).
- ²⁰ Acta final de la Reunión de Punta del Este, OEA, Uruguay, del 22 al 31 de enero de 1962. — AHDSRE, Exp. XII-1123-2.
- ²¹ O.Pellicer de Brody. Op. cit., p. 42.
- ²² M.Tello. Op. cit., p. 113—114.
- ²³ Comunicado de Adolfo López Mateos a Osvaldo Dorticós, México, 23.09.1962. — AHDSRE, exp. XII-1143-1 (1 y 2 partes).
- ²⁴ Contestación de Osvaldo Dorticós a Adolfo López Mateos, La Habana, 23 de octubre de 1962. — Ibidem.
- ²⁵ L.Bobadilla González. México y la OEA. Los debates diplomáticos, 1959—1964. México, 2006, p. 154.
- ²⁶ Ibid., p. 167—169.
- ²⁷ A.Riding. Distant Neighbors: A Portrait of the Mexicans. New York, 2011, p. 343.
- ²⁸ M.Ojed a Gómez. Las relaciones de México con el régimen revolucionario cubano. — Foro Internacional. Vol. XIV-4. México, abril-junio 1974, p. 476—477.
- ²⁹ Discurso pronunciado por el representante de México en la IX Reunión de Consulta, OEA, Vicente Sanchez Gavito, Washington, 25 de julio de 1964. — AHDSRE, Exp. XII-1128-1 (1 parte).
- ³⁰ G.Iruegas, M.Toussaint Ribot. Op. cit., p. 123—124.
- ³¹ Obra revolucionaria. La Habana, Núm. 18 (1964), p. 22.
- ³² M.Ojed a Gómez. Alcances y Límites de la política exterior de México. México, 1976, p. 80.
- ³³ A.Covarrubias. A Case for Mutual Nonintervention. — Cuban Studies, N 26. Pittsburgh: 1996, p. 124.
- ³⁴ Las relaciones México-Estados Unidos, 1756-2010. Vol. II. ¿Destino no manifiesto? 1867—2010. Coord. Marcela Terrazas y Basante. México, 2012, p. 376.
- ³⁵ J.Morley. Op. cit., p. 163-164.
- ³⁶ Ibid., p. 149.
- ³⁷ Ibid., p. 150.
- ³⁸ A.Covarrubias. Op. cit., p. 121.
- ³⁹ Ibid., p. 123.
- ⁴⁰ J.Morley. Op. cit., p. 150.

- ⁴¹ Ibid., p. 151.
- ⁴² A.R i d i n g. Op. cit., p. 343.
- ⁴³ P.A g e e. Inside the Company: CIA Diary. London, 1975, p. 525.
- ⁴⁴ América Latina en la Tricontinental. La OLAS contra la OEA. Política. México, Núm. 6:140. 15 febrero 1966, p. 2.
- ⁴⁵ C.W h i t e. Creating a Third World: Mexico, Cuba, and the United States During the Castro Era. Albuquerque, 2007, p. 113—114.
- ⁴⁶ G.d e G a r a y A r e l l a n o. Gilberto Bosques: el oficio del gran negociador. México, 2006, p. 145.
- ⁴⁷ Respuesta a cierta prensa mexicana. Granma. La Habana, 18.08.1969, p. 8.
- ⁴⁸ Funcionario de la Embajada de México en Cuba al Servicio de la CIA. Granma, 05.09. 1969.
- ⁴⁹ G.A r r e o l o. Hace 33 años, un diplomático mexicano acreditado en Cuba realizó labores de espionaje para la CIA. La Jornada. México, 02.04.2002. — Available at: <http://www.jornada.unam.mx/2002/04/02/006n1pol.php?origen=politica.html>
- ⁵⁰ A.C o v a r r u b i a s. Op. cit., p. 134.
- ⁵¹ Ibid., p. 133.
- ⁵² Desacato cubano. Tiempo. Vol. LV. N 1429. México, 22.09.1969, p. 12.
- ⁵³ M.B u e n d í a. La CIA en México. México, 1990. p. 47
- ⁵⁴ Desacato cubano. — Ibidem.
- ⁵⁵ M.O j e d a G ó m e z. Las relaciones de México... p. 489.
- ⁵⁶ Desacato cubano. Ibid.
- ⁵⁷ M.O j e d a G ó m e z. Las relaciones de México... p. 491—492.

Elena A. Borevich (borevich_elena@mail.ru)

Postgraduate student in the School of International Relations, Saint Petersburg State University

Special aspects of the non-intervention policy in the bilateral relations of Cuba and Mexico in the 1960s.

Abstract. The principle of non-intervention has played an important role in the bilateral relations of Cuba and Mexico in the 1960s, though not all of the Mexican officials were ready to practice this doctrine. In September 1969, the Government of Cuba accused the employee of the Mexican embassy in Havana of spying for the CIA, but the Mexican government didn't admit its guilt. However both countries continued their mutually beneficial cooperation. This article analyzes the nature of the bilateral relations of Cuba and Mexico in the 1960s, the causes of the cooldown of relations and the special aspects of the application of the principle of non-intervention in case of the Mexican spy.

Key words: Cuba, Mexico, international relations, OAS, non-intervention, CIA.